

НА РОДИНЕ «АППАССИОНАТЫ»

В МАРТОНВАШАР мы приехали уже под вечер.

Субботний день был на исходе, хмурый, ветреный. Небо грозилось тяжелыми облаками. Где-то вдалеке погромы хивал гром, а великаны-деревья готовились стать против ветра, не уступить, но согнуться, погасить огненные стрелы молний, если тучи посмеют метнуть их земле навстречу. Старые кряжистые дубы, где-то в позпрошлом веке затерявшие весну своего рождения, видели грозы страшнее этой. И ничего! Одна из них когда-то даже ссекла вершину великана, но он все так же стоит, могуч и зелен, а изпод тяжелых ветвей всматривается в суровое небо.

Мы приехали несколько раньше, чем предполагали, и тот человек, который должен был провести нас по музею Бетховена, оставил нам час на раздумья. И мы разошлись кто куда.

Под могучими платанами было сумрачно и беспокойно. В напряжении ветвей угадывались глухие порывы ветра. Даже дорога и та, словно думы тревожные.

За поворотом, как три пронзительные ноты, — три цветущих куста жасмина.

Почему остановился я перед ними? Что напомнили они мне?

Тревожно бьются мысли и не находят ответа... Три одиноких звука. И я узнаю их — адажио Лунной сонаты.

Этот беззвоный мостик к зеленому острову — тропинка в юность. Это свет от бересты — воспоминание о счастье. Только немного грустно, что березы эти уже отшумели и в их светлой прозрачности больше не радоваться весне...

А тропинка уже перевела меня через мост и остановилась на небольшой поляне перед дощатой эстрадой и легкими металлическими стульями, собранными в горку. Здесь, в зеленом концертном зале, я дослушал финал сонаты.

В высоких вершинах, спихивая, дробились ветры нетерпеливые и неукротимые, а листья, как трупные ноты, падали с вышины.

Пусть на поляне еще не были расставлены стулья, и где-то далеко отсюда — в Будапеште или Вене — готовил к концерту сонату известный мне пианист, я слышал, как сам Бетховен, став на краю эстрады, высекает из сердца гнев в радость, отчаяние и торжество...

— В первые годы прошлого столетия здесь, в

этом доме, в этом парке, великий композитор часто бывал гостем семьи Брунсвиг. тогдашних владельцев усадьбы — рассказывает наш гид Дюла Силади, наконец-то собравший нас в музее. — Здесь, в этом доме, в этом парке, он услышал свою знаменитую Лунную — четырнадцатую сонату до диэз минор, удивительную четвертую симфонию: здесь родилась его великая «Аппассионата».

Дюла Силади несколько лет провел в Советском Союзе и вполне ричливо говорит по-русски, лишь изредка прибегая к помощи переводчика. Как знает, как слышал сам, пересказывает много сентиментальную историю любви Бетховена, говорит о бетховенских концертах, которые проводятся здесь ежегодно по последним июньским и июльским субботам, и, извиняясь за свою краткость, заканчивает:

— Я не музыковед и даже не экскурсовод. Они, конечно, рассказали бы вам больше и лучше. Я просто люблю музыку. И люблю Бетховена. Дома у меня большое собрание его записей. Любимая вещь — «Аппассионата». Музей создан в 1958 году. Как

виите, пока невелик, всего две комнаты. Остальное здание принадлежит научно-исследовательскому институту сельского хозяйства Венгерской академии наук, в котором старшим научным сотрудником работаю я. Так что дух творчества не погас в этих стенах, хотя, скажем прямо, теперь он далековат от музыки. Наши ученые вывели здесь десятки высокоурожайных гибридов кукурузы, занимающих сейчас все кукурузное поле республики, работают над созданием гибридной пшеницы и ячменя.

Мы еще раз оглядаем маленькие комнаты музея. Книги, письма, картины, перья, заляпанные чернилами, нотная тетрадь, старый рояль...

Когда-то, возможно, вот так же в вечер, много передумав о жизни, не примиряясь с несправедливостью, он сел к роялю, опустил свои короткие пальцы на клавиши, и из глубины, как из сердца, тревожной нотой вырвались первые аккорды аллегро той самой двадцать третьей фортепьянной сонаты, о которой В. И. Ленин скажет потом: «Изумительная, нечеловеческая музыка.

Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!»

Настороженно мрачно начало сонаты. «Что ты можешь, человек, в этой зыбкой ночи? Разве осилить тебе то, что судьбой предназначено?» — глухо гудят аккорды. Но человек не сдаётся, ищет тепла и света. Нет! Не небо дарует радость. Она рождается на земле. Рождается в трудной борьбе.

преисполненной мужества и героизма. И если хочешь счастья себе и людям, встань непокорно, подними разящий меч против зла и несправедливости, — зовет финал «Аппассионаты».

В сумрачную комнату неожиданно ворвалось закатное солнце. Тучи похолодели, так и не решились пролиться дождем, расступились, и теперь у самого горизонта лежал красный диск земного светила, обещая на завтра теплый ведренный день. Молниями метались высоко в небе быстрокрылые ласточки. Все так же спокойно-торжественно стояли вековые дубы.

В. ПЛОТНИКОВ.
(Спец. корр.
«Сельской жизни»).

Москва—Будапешт.